Л. Тихомировъ.

ЗАПРОСЫ ЖИЗНИ

и

НАШЕ ЦЕРКОВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

МОСКВА.
Университетская типографія
1903.

[illegible]азурою. Москва, 8 января 1903 г.

328
97

I.

Между православными могутъ существовать не вполнѣ одинаковыя мнѣнія относительно частностей церковнаго „окормленія“ нашей личной или общественной жизни, но самый фактъ „окормленія“ Церковью всѣмъ намъ важенъ и дорогъ. Въ числѣ же органовъ, которыми оно совершается, особливо важнымъ представляется *Высшее Церковное Управленіе*, относительно котораго я и предлагаю вниманію православныхъ нижеслѣдующія соображенія.

Какъ извѣстно, нынѣ дѣйствующія формы нашего церковнаго управленія, съ самаго возникновенія своего въ 1721 году, не переставали возбуждать противъ себя разнообразную критику. Неоднократно были дѣлаемы и поправки въ Синодальномъ учрежденіи 1721 года.* Но, несмотря

* Бывали и ухудшенія, какъ при основаніи въ 1817 году—Министерства Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія (817—1824 г.)

на эти поправки, даже и теоретическая критика не смолкала. Въ настоящее же время, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, самые факты, неудовлетворенные запросы жизни, чисто-практическимъ путемъ приводятъ къ убѣжденію, что наша Церковь не даетъ достаточнаго „окормленія“ современной, усложнившейся, жизни православной Россіи.

Какъ извѣстно, Императоръ Петръ I ставилъ цѣлью реформы 1721 года созданіе „Высшаго духовнаго Соборнаго Правительства“, „со властью равнопатріаршеской“, указывая своимъ подданнымъ имѣть новоучрежденный Св. Сунодъ „за *важное* и *сильное* Правительство“. Осуществилась ли эта идея?

Важнымъ и сильнымъ Правительствомъ можно считать лишь такое, которое обладаетъ достаточною освѣдомленностью и средствами для благоустроенія всѣхъ запросовъ жизни, относящихся къ области его вѣдѣнія. Наше же Церковное Управленіе, наоборотъ, во всѣхъ важнѣйшихъ запросахъ жизни обнаруживаетъ слишкомъ часто какъ недостатокъ своевременной въ нихъ освѣдомленности, такъ и недостатокъ средствъ къ ихъ разрѣшенію. Вслѣд-

ствіе этого мы нерѣдко видимъ не столько рѣшеніе вопросовъ, сколько оттягиваніе ихъ. Это понятно, при непмѣніи способовъ правильнаго рѣшенія, но ясно, что это признакъ скорѣе слабости, чѣмъ силы. Между тѣмъ, запросы жизни не исчезаютъ отъ того, что не получаютъ *должнаго*, правильнаго, разрѣшенія, а только самовольно пробиваютъ себѣ дорогу къ разрѣшенію неправильному.

Видя при этомъ отсутствіе со стороны Церкви надлежащаго руководства, сами православные постепенно привыкаютъ жить и дѣйствовать на свой страхъ, самовольно, раздробляясь при этомъ на фракціи, и утрачивая мысль объ общемъ церковномъ руководствѣ ихъ дѣйствіями. Отсюда возникаютъ между ними разногласія, подрывающія силы Церкви, а въ концѣ концовъ даже порождающія и ереси.

Разумѣется, Церковное Правительство, которое не обнаруживаетъ въ должной мѣрѣ даже мнѣнія своего, отнюдь не можетъ быть разсматриваемо какъ „важное и сильное“.

Со своей стороны и власть государственная, не находя въ церковномъ управленіи должной силы для руководства дѣятельностью Православной Церкви, въ лицѣ ея пастырей, клира,

мірянъ и иноковъ, привыкаетъ къ тому, чтобы, по необходимости, рѣшать возникающіе дѣла и вопросы своими государственными воздѣйствіями. Но на этомъ пути, вопервыхъ, извращается истинный смыслъ православнаго *союза* Церкви и Государства, замѣняясь протестантскою идеей *подчиненія* Церкви Государству; вовторыхъ, рѣшеніе, путемъ государственнаго воздѣйствія, такихъ вопросовъ, которые, по природѣ своей, только духовною силой Церкви могутъ быть разрѣшены правильно,—получается, понятно, неудовлетворительное и цѣли благоустройства не достигающее. *

Такое общее положеніе, подрывающее православное благоустройство Россіи, обостряется все болѣе, и въ настоящее время мы, можно сказать, ежедневно осаждаемся вопросами, которые разстраиваютъ Православную Церковь только изъ-за того, что у церковнаго управленія не оказывается силы для надлежащаго ихъ разрѣшенія.

Возьмемъ нѣсколько примѣровъ этого изъ текущей современности.

---

* Таково, для примѣра, полицейское „содѣйствіе“ миссіонерамъ. Л. Т.

II.

Въ настоящую минуту, напримѣръ, предъ православнымъ міромъ возникъ чрезвычайно угрожающій проектъ реформы *бракоразводнаго дѣла*, которое, по проекту, должно быть на-половину изъято изъ вѣдѣнія Церкви.

Проектъ возникъ въ сферахъ гражданской власти уже давно, въ 70-хъ годахъ. Цѣлыя 30 лѣтъ вопросъ этотъ не рѣшался, а оттягивался. Но оттяжки не помогли, конечно, ибо въ этомъ проектѣ, помимо тенденцій антицерковныхъ, привносимыхъ собственно частными лицами, есть такая основа, которая не можетъ не возбуждать вниманія уже самого Правительства, а именно: крайняя *неудовлетворительность* бракоразводнаго процесса въ рукахъ нынѣ дѣйствующихъ органовъ церковнаго управленія.

И вотъ, старый проектъ возникаетъ и готовится пойти на законодательное разсмотрѣніе и утвержденіе. Если онъ получитъ утвержденіе,—это будетъ чрезвычайный ударъ Православію и Церкви. Дѣйствительно, проектъ предполагаетъ передать бракоразводный процессъ въ вѣдѣніе окружныхъ судовъ, которые дѣлаютъ *постановленіе* о разводѣ, а Св. Сѵноду пред-

оставляется затѣмъ лишь утвердить это постановленіе въ смыслѣ расторженія брака, какъ таинства. Итакъ, мы готовимся, вопервыхъ, признать таинство въ православномъ бракѣ лишь нѣкоторымъ придаткомъ къ учрежденію чисто-гражданскому, и законодательно разбить въ бракѣ эти два элемента, чѣмъ, конечно, подготовляемъ мѣсто идеѣ гражданскаго брака. Во-вторыхъ, при этомъ несомнѣнна цѣль нашихъ прогрессистовъ возможно облегчить *разводъ* при посредствѣ склонныхъ къ этому чиновъ свѣтскаго суда. Втретьихъ, наконецъ, Церковь ставится въ положеніе или приниженной исполнительницы постановленій гражданскаго суда въ области, по-православному, подлежащей исключительно церковному вѣдѣнію, или же, если Св. Сунодъ откажется отъ роли простаго исполнителя рѣшеній суда по дѣлу, котораго Св. Сунодъ не разбиралъ и потому не можетъ и знать,—то это грозитъ постоянными столкновеніями между церковною и гражданскою властями постепенно подрывая союзъ Церкви и Государства.

Итакъ, мы дождались положенія прямо опаснаго. Но почему же цѣлые 30 лѣтъ Церковь не сдѣлала того,

что нужно для предупрежденія опасности?

Должно вспомнить, что въ дѣлѣ имѣются двѣ стороны. Стремленіе къ „лаицизаціи“ брака и къ облегченію развода—не можетъ быть удовлетворено Церковью, и должно найти въ ней только рѣшительный отпоръ. Но вѣдь и государственная власть ни къ чему такому не стремится, а озабочена совсѣмъ инымъ: потребностью поставить надлежаще правильно бракоразводный процессъ. Въ этомъ гражданская власть отвѣчаетъ на настоятельный запросъ времени. Несомнѣнно, что бракоразводный процессъ въ церковномъ судѣ поставленъ крайне плохо. Система формальныхъ доказательствъ даетъ ему особенно грязный характеръ, въ то же время не обезпечивая и справедливости. Плохой контроль за судами порождаетъ злоупотребленія. Все это столь ясно, что нынѣшній, по существу антицерковный, проектъ порождаетъ расколъ даже между самими православными.

Одни, во имя принципа, возстаютъ противъ него. Другіе, даже священники, во имя факта, готовы ему радоваться. Они столь удручены грязью и злоупотребленіями нынѣшняго брак

разводнаго процесса, что говорятъ: „пусть хоть свѣтскій судъ избавитъ насъ отъ этого“.

И вотъ мы, православные, раздроблены на двѣ партіи, и часть изъ насъ готова подать руку даже антицерковнымъ элементамъ, если они стоятъ за реформу. Насъ разъединилъ *запросъ жизни*, который Церковь оказалась безсильною удовлетворить правильно.

А казалось бы, дѣло совсѣмъ ясно и просто: если свѣтскій судъ можетъ быть поставленъ прилично, не оскорбляя нравственнаго чувства тяжущихся, то почему же этого не можетъ достигнуть Церковь въ своемъ духовномъ судѣ? Но вотъ 30 лѣтъ ничего не сдѣлано, даже послѣ того какъ раздался первый ударъ грома...

Мы же, православные, не только дробимся между собою, но становимся въ самое непріятное, ложно-консервативное положеніе. Мы, во имя интересовъ Церкви, стараемся не допустить свѣтскаго суда къ такой реформѣ, которая требуется нравственностью и справедливостью, и благомъ частныхъ, заинтересованныхъ лицъ. Но какъ ужасна даже мысль, что благо и справедливость могутъ быть противны церковнымъ интере-

самъ! Вѣдь самая мысль эта составляетъ хулу на Церковь, а мы, своимъ протестомъ, принуждены невольно возбуждать крики, что, во имя интересовъ Церкви, мы защищаемъ явно недоброкачественный *status quo*.

Гдѣ же причина этого ряда золъ? Возможно ли обвинять лично архипастырей, въ теченіе этихъ 30 лѣтъ непрерывно смѣнявшихся во Св. Сунодѣ? Конечно, нѣтъ. Они лучше насъ знаютъ, какъ плохо поставлено дѣло и, безъ сомнѣнія, больше насъ скорбятъ объ этомъ. Тутъ вина не личностей, а недостатковъ самого *учрежденія*, которое не даетъ способовъ провести реформу бракоразводнаго дѣла въ истинно-церковномъ духѣ, чтобъ она была не только не хуже, а лучше, выше и чище, чѣмъ можетъ поставить ее свѣтскій судъ.

По-настоящему, по-христіанскому, истинную задачу церковнаго суда составляетъ не расторженіе брака, а *уничтоженіе грѣха*, очищеніе испортившихся отношеній супруговъ, вразумленіе, успокоеніе ихъ и примиреніе. Но не говоря уже объ этихъ высотахъ идеала,—внесеніе хотя бы должнаго приличія и справедливости въ бракоразводный процессъ требуетъ преобладанія *нравственнаго убѣжденія*

надѣ системой формальныхъ доказательствъ. Однако, для произведенія даже этой скромной реформы требуется большая компетенція и непрерывный, продолжительный надзоръ высшей церковной власти за дѣйствительнымъ воплощеніемъ въ церковномъ судѣ всего продуманнаго и опредѣленнаго свыше.

Между тѣмъ, постоянно смѣняющійся составъ и коллегіальность дѣйствій Св. Сунода препятствуетъ зрѣлому, вдумчивому обсужденію и послѣдовательному проведенію такой реформы. Какъ бы ни былъ глубоко убѣжденъ данный составъ Сунода въ ея необходимости, на слѣдующій годъ его смѣнитъ другой составъ, который, по обстоятельствамъ, будетъ болѣе занятъ чѣмъ-нибудь другимъ, а потомъ еще новый составъ—еще чѣмъ-нибудь третьимъ. Всѣ эти смѣняющіеся составы Св. Сунода одинаково готовы помѣшать вредному и антицерковному дѣлу, но не могутъ преемственно сливаться на созданіи положительной и полезной реформы. И вотъ, вмѣсто должнаго и правильнаго рѣшенія, является рядъ затяжекъ, а дѣло не дѣлается, и мы, православные, видимъ себя, наконецъ, въ томъ печальномъ и угрожающемъ положеніи, въ какомъ очутились теперь.

III.

Возьмемъ другой примѣръ нашего положенія среди текущихъ запросовъ жизни.

Недавно возникъ споръ о *монашествѣ*, его цѣляхъ и задачахъ. Г. Кругловъ,* указывая на плохое состояніе жизни монаховъ, высказалъ требованіе преобразовать монастыри въ учрежденія широко-благотворительнаго характера.

Противъ этого высказался отецъ архимандритъ Никонъ,** указывая, что это есть подмѣнъ высшаго аскетическаго идеала монашества—низшимъ. И вотъ немедленно обнаруживается раздробленіе православныхъ. За отца Никона высказался профессоръ Введенскій,*** а также я. † Но за г. Круглова горячо и безусловно вступился нѣкто П. И—ъ, самъ заяв-

---

* *Душеполезное Чтеніе*, сентябрь. „На службѣ міру—на службѣ Богу."

** *Душеп. Чтен.* Сентябрь.

*** Тамъ же.

† *Моск. Вѣд.* № 277 „Обмірщеніе христіанства".

ляющій себя инокомъ †** и рѣзко нападающій на инока же, отца Никона, почти до личностей. Далѣе отецъ архимандритъ Евдокимъ явился въ *Богословскомъ Вѣстникѣ* съ длиннымъ изслѣдованіемъ о служеніи иноковъ ближнимъ,†*** которое *С.-Петербургскія Вѣдомости* не замедлили сочувственно отмѣтить, очевидно засчитывая его въ пользу г. Круглова.

Итакъ, вотъ уже мы, православные, отъ г. Круглова до самихъ иноковъ, моментально разбились на враждующія группы; инокъ П. И—ъ, въ своей борьбѣ противъ другаго инока, уже принялъ руку помощи князя Э. Ухтомскаго, отношеніе котораго къ Православію и Церкви достаточно всѣмъ извѣстно. И кто можетъ сказать, гдѣ остановились бы это дробленіе православныхъ и ихъ союзы съ общими врагами, при дальнѣйшемъ обостреніи борьбы?

А между тѣмъ, изъ-за чего эта война? Смыслъ монашества до очевидности ясенъ. Указаніе отца Никона на его *аскетическій* идеалъ безусловно вѣрно. Спорить не о чемъ. Съ другой

---

†** *С.-Петерб. Вѣд.* № 306.

†*** *Богосл. Вѣстн.* Ноябрь, „Иноки на службѣ ближнимъ“.

стороны, *служеніе иноковъ* ближнему точно такъ же есть безспорный фактъ, который невозможно опровергать и совершенно излишне доказывать.

Для ясности дѣла замѣчу, что это служеніе ближнему, обществу, государству и даже національности вытекаетъ у иноковъ не изъ ихъ спеціально-*иноческаго* идеала, а обусловлено ихъ *общимъ* идеаломъ христіанина и сына Церкви. Инокъ и мірянинъ различаются между собою специфическими способами выработки себя, какъ христіанъ и сыновъ Церкви, но добродѣтели и обязанности христіанскія лежатъ одинаково на всѣхъ. Церковь же имѣетъ дѣло и съ обществомъ, и съ государствомъ, и даже съ національностью, почему на служеніи ей, Церкви, силы иноческія всегда имѣли самыя разнообразныя примѣненія.

Итакъ, казалось бы, спорить рѣшительно не о чемъ. Но всякое явленіе имѣетъ реальныя причины, и въ данномъ случаѣ онѣ совершенно тѣ же, что̀ и въ дѣлѣ бракоразводнаго процесса. Существуетъ, какъ и тамъ, *наличность неотложныхъ запросовъ жизни*, обнаруживается *безсиліе церковной власти правильно двинуть православныя силы на ихъ удовлетвореніе*, и

потому возникаетъ *самовольное стремленіе православныхъ отвѣтить на запросъ.*

Живая сущность вопроса, вызвавшаго споръ, конечно, состоитъ не въ идеалахъ монашества, а въ томъ, что и монастыри плохи, и жизнь дѣла требуетъ. Несомнѣнно, что никогда человѣчество не нуждалось сильнѣе чѣмъ теперь въ организованной помощи своимъ многоразличнымъ нуждамъ, матеріальнымъ и духовнымъ. Нужна всяческая работа, благотвореніе, больница, школа, пріютъ. Всѣмъ этимъ усиленно заняты разныя Общества, усердно занимаются этимъ и люди, дѣлающіе изъ этой помощи орудіе борьбы противъ вѣры и самого Христа. А Церковь что же дѣлаетъ? Мы, православные, какъ церковная община, что дѣлаемъ для помощи вопіющимъ нуждамъ людей и для защиты ихъ умовъ и сердецъ отъ захвата врагами Христа? Почти ничего. По сравненію съ великостью нужды и силой враговъ христіанства,—до невѣроятія мало. И вотъ, подъ удручающимъ сознаніемъ этого, является мысль воспользоваться для заполненія пробѣла всѣми силами, какими возможно, въ томъ числѣ иноками: обратить иноковъ на служеніе ближнему, на

борьбу за христіанское просвѣщеніе.

Мысль въ высшей степени понятная и особенно со стороны иноковъ. Но возможно ли допустить такое распоряженіе силами монастырей въ настоящее время? Для меня ясно какъ день, что изъ этого вышло бы не освященіе жизни христіанствомъ, а обмірщеніе христіанства, дѣло прямо гибельное.

Достаточно подумать, кто это будетъ производить реформу требуемую г. Кругловымъ? Дѣло непремѣнно сведется къ руководству гражданскихъ властей, ко вліянію великосвѣтскихъ лицъ, а то и прямо князей Ухтомскихъ и К°.

Мы помнимъ реформу монастырей начала XVIII вѣка. Подобно нынѣшнимъ обличителямъ, и тогда указы говорили: „Нынѣшнее житіе монаховъ точію видъ и поносъ... понеже большая часть тунеядцы суть.“ Посему въ 1722 году было приказано монастырямъ служеніе ближнему—содержать больныхъ драгунъ и солдатъ, а въ 1723 году—„монаховъ и монахинь переписать, впредь отнюдь никого не постригать, а на убылыя мѣста опредѣлять отставныхъ солдатъ для пропитанія“. Все это вполнѣ отвѣчало нуждамъ того времени, а для большой

филантропической самоотверженности своей иноки имѣли еще указъ, что „гдѣ вакансій (для солдатъ) не будетъ доставать, тамъ убавлять порціи и содержаніе у монаховъ, и уравнять ихъ съ солдатами“. Что касается просвѣщенія, то, конечно, не Петра Великаго можно упрекнуть въ небреженіи объ этомъ. Однако, въ 1722 году было указано: „монахамъ не писать по кельямъ писемъ и совѣтныхъ грамотъ, безъ вѣдома настоятеля, подъ жестокимъ на тѣлѣ наказаніемъ, чернилъ и бумаги не держать.“ *

Напрасно было бы возражать, что теперь не то время. Времена Петра въ государственномъ отношеніи не плохія, а великія. Все дѣло въ томъ, что, какъ *спасеніе душъ*, такъ и *служеніе ближнему*, проникнутое идеей спасенія души, можетъ правильно устраивать только Церковь. Государство же, самое великое, такъ же не можетъ исполнять задачъ Церкви, какъ Церковь не можетъ исполнить работы государственной. Это зависитъ отъ существеннаго, природнаго различія самаго характера той и другой власти.

---

* К. П. Побѣдоносцевъ. *Выписки изъ Полнаго Собранія Законовъ.*

Если же мы, думая о реформѣ монастырей, станемъ разчитывать не на государственное руководство, а на личныя силы отдѣльныхъ иноковъ, отдѣльныхъ настоятелей и т. д., то и отъ этого нельзя ждать добра. У каждаго изъ насъ есть своя индивидуальность, свои увлеченія тою или иною стороной дѣла или идеи. Если насъ некому будетъ объединять, примирять, каждому указать, какихъ предѣловъ мы не должны переходить, то мы, слѣдуя каждый своей излюбленной идеѣ, будемъ лишь все больше дробиться, расходиться между собою, ссориться. Для торжества *своего* спеціальнаго дѣла, каждая группа будетъ слобазняться входить въ союзы дъ элементами иногда сомнительными, сногда даже и противниками христіинства. Понятно, что такой путь „трудовой службы“ сулилъ бы Церкви дничуть не добро.

Но воздерживая людей, желающихъ служить ближнему, развѣ мы не рискуемъ стать въ то же самое ложноконсервативное положеніе, какъ я раньше говорилъ? Вѣдь это значитъ, во избѣжаніе опасности для христіанства и Церкви,—мѣшать дѣлу, кото-

рое требуется христіанствомъ и необходимо для Церкви же!

Ищешь выхода, и не находишь другаго: нужно сильное и прочное церковное управленіе, къ которому могли бы восходить проекты нашихъ начинаній, и которое могло бы примирять наши разногласія, такъ чтобы всѣ мы, преслѣдуя каждый свою любимую идею, оставались бы все-таки вмѣстѣ, какъ разные члены одного тѣла.

Инокъ П. И—ъ говоритъ: „Если западная церковь, со своею поразительною организаціей дѣла просвѣтительнаго и благотворительнаго, при посредствѣ монашескихъ орденовъ, умѣетъ держать себѣ въ повиновеніи всѣхъ вѣрующихъ, намъ-то, овцамъ разсѣяннымъ, пастыря своего не знающимъ, можно было бы добро, хотя оно и съ Запада, любить, а не ненавидѣть“...

Но вѣдь въ томъ-то и дѣло, что на Западѣ, въ Римѣ, имѣется въ высшей степени авторитетная церковная власть. Вѣдь только поэтому и возможны стали всѣ эти частныя организаціи орденовъ и дѣлъ. У римско-католиковъ вовсе нѣтъ того случайнаго смѣшенія идеаловъ въ одномъ монастырѣ, какъ рисуется

г. Круглову, да, кажется, и инoку П. И — у: кто хочетъ—молись, кто хочетъ—за больными ходи. Ихъ обители для аскетовъ, ищущихъ иноческаго идеала, построже нашихъ. А на дѣло идутъ, за послушаніе, особые ордена и общины. Но для этой стройной организаціи силъ, не упуская „дѣла“, не угашая и родниковъ аскетическаго подвига, животворящаго христіанство,—на все это нужно сильное церковное управленіе. Одними личными порывами даже отдѣльныхъ епископовъ — нельзя этого создать: нужна вдумчивая, систематическая работа цѣлой Церкви, нужна, стало-быть, опять прочная, постоянная, высокоавторитетная власть. Безъ нея трудно даже процвѣтаніе и аскетическихъ обителей, и уже совсѣмъ невозможна прочная и плодотворная организація „дѣловыхъ“ обителей или орденовъ.

IV.

Но если запросы жизни столь трудно нынѣ удовлетворимы даже среди иноковъ, то что же сказать о насъ, десяткахъ милліоновъ мірянъ?

Мы вѣдь тоже христіане, мы сыны Церкви, желаемъ мы и душу свою, посильно, устроить, да и потрудиться на пользу ближнихъ. Для

всего этого намъ необходимо церковное руководство. А всегда ли мы видимъ его указаніе, совѣтъ, рѣшеніе?

Многіе и очень многіе недоумѣваютъ въ этомъ отношеніи, и вовсе не со злорадствомъ. Покойный В. С. Соловьевъ, въ публичной полемикѣ, спрашивалъ меня, гдѣ голосъ Церкви? И могу ли я отрицать, что нынѣ для міряннина далеко не всегда легко сознавать себя дѣйствующимъ въ церковной волѣ? Ее приходится разыскивать, словно мы попали въ протестантскую невидимую церковь.

А между тѣмъ мы, міряне, со всѣхъ сторонъ окружены невѣрующими и еретиками. Ихъ вліяніе огромно, они идутъ къ намъ, дружатъ съ нами, стараются сойтись съ нами, быть намъ какъ можно ближе и понятнѣе. Православная же Церковь какъ будто находится въ какомъ-то разобщеніи съ огромными слоями образованнаго общества, и въ дѣлахъ своихъ иногда не обнаруживаетъ пониманія его запросовъ даже тогда, когда они вовсе не предосудительны. Все это замѣчается слишкомъ часто. Бываютъ даже случаи, когда мірянинъ отталкивается отъ Церкви именно въ силу своихъ религіозныхъ, духовныхъ запросовъ, на которые не находитъ отклика...

Конечно, въ этихъ случаяхъ виноваты *отдѣльныя лица* клира и іерархіи. Но для того чтобы вина этихъ отдѣльныхъ лицъ не вредила нашему единенію съ Церковью, мы имѣемъ настоятельный запросъ всегда ясно видѣть, гдѣ Церковь, гдѣ ея воля, ея истолкованіе? Нѣтъ ни одной отрасли государственнаго управленія, въ которой бы мы не знали очень ясно и хорошо, гдѣ *воля Правительства*, и гдѣ самовольная и беззаконная выдумка какого-нибудь чиновника. Но въ отношеніи Церкви это не такъ просто различить.

Сколько лѣтъ графъ Толстой ругался надъ Православіемъ. Въ это время одинъ популярный петербургскій священникъ на публичномъ собраніи защищалъ противъ мірянина христіанство графа Л. Толстаго. Тутъ дѣло не въ самомъ графѣ, идеи котораго уже получили должную оцѣнку, а въ томъ, какихъ пастырей видитъ предъ собой наше общество.

Есть у насъ, напримѣръ, еще писатель, г. В. Розановъ, который не только явно не-христіанинъ, а прямо проповѣдникъ чисто-языческой безнравственности. Однако, находитъ и онъ себѣ поклонниковъ среди отцовъ пастырей. Священникъ У — скій

публично восторгается одною изъ невозможнѣйшихъ статей г. Розанова, въ которой, можетъ-быть, и не понялъ толкомъ ея смысла. Но кому должны вѣрить міряне? Священника У—скаго его церковная власть не вразумила, ничѣмъ не показала для мірянъ—церковно или нѣтъ его ученіе. Что же думать мірянамъ?

Итакъ, слушая иного своего приходскаго пастыря, я долженъ увѣровать въ правильность культа Астарты!

Я беру случаи текущіе, первые попавшіеся. Во всѣхъ мы должны *сами* разбираться, какъ Богъ поможетъ. Мудрено ли, что образованное общество привыкаетъ жить безъ руководства Церкви, только своимъ соображеніемъ?

А причина въ чемъ? Не очевиденъ ли недостатокъ церковнаго „окормленія“ даже священнослужителей и вообще всѣхъ, облеченныхъ правомъ ученія церковнаго? Некому, оказывается, присмотрѣть за ними, некому провѣрить, вразумить, некому объявить намъ, гдѣ истинный голосъ и ученіе Церкви. Невольно вспоминаются прискорбнѣйшія времена судей Израилевыхъ: „И въ тіи дни не бяше царя во Израили: мужъ еже угодно предъ очима его творяше.“

Но неужели это порядокъ, неужели

это—нормальное существованіе христіанина въ Церкви?

V.

А мы окружены проявленіями такого положенія. Куда ни обернись—повсюду оно даетъ себя знать. Недавно много шума и соблазна произвела исторія погребенія генерала Гурчина (католика). Мѣстный Виленскій преосвященный совершенно правильно запретилъ наши церковныя паннихиды по инославномъ. А на Кавказѣ тамошняя церковная власть разрѣшила ихъ служить по тому же генералу Гурчину. Да и безъ того всѣмъ извѣстно достаточно случаевъ, какъ по протестантамъ служатся наши заупокойныя литургіи. Шуму и нареканій было много... Да и гдѣ же справедливость: развѣ церковная молитва зависитъ отъ произвола епископа, или отъ званія усопшаго? Но, кромѣ соблазна и нареканій на Церковь, да ссоръ между самими православными, ничего и послѣ этой исторіи не вышло.

А надо сказать, что *молитва за инославныхъ* уже давно стала жгучимъ запросомъ жизни, ибо мы, православные, переродились съ инославными,

живемъ съ ними, имѣемъ друзей между ними.

Естественно является вопросъ: можно ли о нихъ молиться? Этотъ вопросъ уже десятки лѣтъ разбирается въ частныхъ собраніяхъ, и для знающихъ, кажется, ясенъ какъ день. Невозможно и отчасти кощунственно давать иновѣрцу ту же церковную молитву, какъ умершему въ правой вѣрѣ и въ общеніи таинствъ съ Церковью. Но множество компетентныхъ лицъ признаютъ необходимою спеціальную молитву за иновѣрцевъ, которая, говорятъ, когда-то и существовала, а теперь забыта Церковью. Казалось бы, что проще какъ разобрать вопросъ и, одно изъ двухъ: либо абсолютно воспретить, не дѣлая уже поблажекъ никому, либо составить особую молитву за иновѣрцевъ, и разрѣшить ее для всѣхъ. Но вотъ — тоже ничего не дѣлается. А поблажки, въ силу напора со стороны запроса нашей жизни, дѣлаются, создавая, вопервыхъ, полный произволъ, а вовторыхъ, даже и грѣхъ, который мало-по-малу грозитъ утвердиться. Опять, значитъ, Церковное управленіе не выноситъ намъ *правильнаго* удовлетворенія, вмѣсто котораго самовольно упрочивается *неправильное*, создавая ссоры и раздѣленія между

православными и общія нареканія на Церковь.

Не буду останавливаться на *реформѣ прихода*, которая все сильнѣе рвется къ намъ, имѣя тоже совершенно *законныя*, *правильныя* причины, но неразрѣшима правильно при современныхъ отношеніяхъ прихода къ епархіи и епархіи ко Св. Суноду. Дѣло, того гляди, кончится тѣмъ, что, не устраивая приходъ *правильно*, мы дождемся рѣшенія вопроса о немъ на совершенно не-церковныхъ и неправославныхъ началахъ.

Не буду говорить и о *миссіяхъ* внѣшней и внутренней, тоже вопіющихъ къ Церкви о сильномъ и прочномъ управленіи. Но отмѣчу слегка запросъ заграничнаго старокатоличества, дѣло о которомъ мы *церковно* оттягиваемъ болѣе 30 лѣтъ. Мы и не принимаемъ старокатоликовъ, и не отвергаемъ, и указаній имъ не даемъ. Всѣ толки со старокатоликами ведутся лицами частными, случайно, по мѣрѣ усердія, причемъ мы, церковно, вовсе не пытаемся какъ-либо повліять на старо-католиковъ. А ужь, конечно, если они въ чемъ погрѣшаютъ, то для нихъ *голосъ Церкви* имѣлъ бы больше значенія, нежели бесѣды и отзывы частныхъ лицъ. Почему же не слышно голоса Церкви?

Конечно, потому же, почему онъ не слышенъ и въ другихъ сложныхъ и сомнительныхъ случаяхъ. Никто, понятно, не хочетъ взять на себя отвѣтственности превыше силъ, и вотъ является оттяжка, а тѣмъ временемъ старокатолики могутъ только недоумѣвать о причинахъ нашей бездѣйственности. Спасибо, что доселѣ они, не зная гдѣ найти опору, не слились съ протестантами епископальнаго типа. А можетъ, и этого дождемся...

Въ довершеніе всего, и старокатолическій вопросъ, не получая никакой *церковной* регуляціи, уже создаетъ раздѣленія между нами, православными. На Западѣ мы никого къ себѣ не присоединили, а у себя, своихъ собственныхъ православныхъ, разъединили до вражды.

VI.

Таковымъ оказывается наше положеніе на каждомъ шагу. Жизнь идетъ, предъявляетъ свои запросы, а мы можемъ откликаться на нихъ только единолично или фракціонно, причемъ, понятно, всякое отдѣльное лицо, или группа, не можетъ избѣжать увлеченій односторонности и, поэтому, вступаетъ въ пререканія и въ борьбу съ другими, православными же, группами.

Мы дробимъ силы и уничтожаемъ другъ друга, какъ было въ аріанскія времена, когда, по свидѣтельству исторіи, церковная жизнь напоминала ночную битву, въ которой воины поражали своихъ, не различая ихъ во тьмѣ отъ враговъ.

Но если въ дѣйствительномъ ночномъ сраженіи эта тьма, ослѣпляющая очи воиновъ, происходитъ отъ причинъ внѣшнихъ, а потому для нихъ не постыдна, то наша тьма—есть тьма внутренняя, въ существованіи которой мы сами же и виноваты. Наша тьма происходитъ отъ того, что предъ нами нѣтъ яснаго *свѣточа Церковнаго Авторитета.*

Еслибы мы его передъ собой имѣли, то могли бы и запросы жизни ублагоустраивать, и объединять дѣйствительно своихъ, и отходитъ отъ чужихъ, коль скоро они оказываются дѣйствительно врагами, могли бы создавать себѣ и органы служенія ближнему и родинѣ, превосходящіе латинскіе по своему духу православія. Но для всего этого нужно Церкви то „сильное и важное“ Правительство, о какомъ думалъ Петръ I.

Не слѣдуетъ заподазривать искренности Петра Великаго, какъ дѣлаютъ нѣкоторые. Самыя задачи, указанныя

имъ Сѵноду, доказываютъ что Петръ прекрасно сознавалъ необходимость сильной Церкви для благоустройства жизни народа. И если Петръ боялся папистическихъ стремленій со стороны патріарха, то въ то же время заботился о сохраненіи въ Церкви ея канонически - требуемыхъ органовъ, вопреки даже вліянію Ѳеофана Прокоповича. Въ общей сложности, учрежденія 1721 года вышли неудачны, но, какъ мнѣ приходилось это говорить въ полемикѣ съ В. С. Соловьевымъ, они *принципіально* не исказили государственно-церковныхъ отношеній. И тѣмъ легче у насъ теперь подумать объ осуществленіи мысли Петра о „сильномъ и важномъ Правительствѣ“ Церковномъ, котораго одинаково требуютъ интересы Церкви и Государства.

VII.

Вдумываясь въ причины слабости нашего церковнаго управленія, мы никакъ не можемъ сказать, чтобы наша Церковь не имѣла достаточно широкихъ правъ, или чтобъ ея отношенія ко власти Государственной были въ самомъ принципѣ поставлены неправильно. *

* Въ нашихъ узаконеніяхъ, отн осящихся къ Церкви, попадаются просто рѣ-

Права Св. Сунода опредѣляются какъ „равнопатріаршескія“, и это, вообще говоря, совершенно вѣрно,—на бумагѣ. Св. Суноду присвоено по *Регламенту* общее наблюденіе за всею церковною жизнью клира и мірянъ, ему дано право наблюденія и за епископами, ему же вмѣнено (по „присягѣ“) въ обязанность сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ правилами соборовъ, что̀ повторено и объ епископахъ епархіальныхъ. Самый принципъ *соборнаго* управленія церковью въ *Регламентѣ* утверждается какъ основной, и отрицаніе патріаршеской власти мотивируется именно принципомъ *соборности*. Самый Св. Сунодъ опредѣляется какъ постоянное („всегдашнее“) соборное управленіе. Наконецъ, въ основныхъ законахъ нашихъ положительно установлено *непосредственное* общеніе Государственной Верховной Власти съ Церковною (§ 43 Основн. Законовъ).

жущія ухо выраженія, которыя и породили легенду о нашемъ „цезаро-папизмѣ“. Но это не болѣе, какъ вина неудачной *редакціи* законоположеній, которая у насъ вообще оставляетъ многаго желать и тамъ, гдѣ трактуется о государственной власти. Но на отдѣльныхъ диссонансахъ *выраженій* нельзя основываться при опредѣленіи смысла и духа законовъ.

Л. Т.

Соборовъ помѣстныхъ у насъ также никто не упразднялъ, хотя гóлоса ихъ мы, къ сожалѣнію, 200 лѣтъ не слыхали. Вмѣсто этого, мы получили „постоянный соборъ“ со властью „равнопатріаршескою“. Тутъ уже начинается построеніе совершенно ошибочное, но не принципіально, а практически ошибочное. Въ Св. Сунодѣ соединено какъ бы значеніе собора и значеніе патріарха, хотя, въ дѣйствительности, ни того, ни другаго, даже порознь взятыхъ. Св. Сунодъ не можетъ возмѣстить.

Прежде всего патріархъ, вмѣсто котораго поставленъ Сунодъ, вовсе не есть высшая Церковная Власть („верховная“, по выраженію Духовнаго Регламента), а только высшая управительная власть ея, то-есть исполнительная, производящая должное наблюденіе за дѣйствительнымъ выполненіемъ предначертаній Соборовъ. Слѣдовательно, еслибы Св. Сунодъ и вполнѣ хорошо замѣнилъ въ этомъ случаѣ власть патріарха, то все же не замѣнилъ бы главнаго отсутвующаго органа, то-есть Помѣстныхъ Соборовъ. Одна „коллегіальность“ церковной исполнительной власти еще не придаетъ ей значенія „верховной“, соборной. Собраніе 12 епископовъ и „киновіарховъ“, изъ коихъ, по идеямъ

1721 года, долженъ быть составленъ Св. Сунодъ, есть, конечно, „соборъ“, но не Соборъ *Помѣстный* *.

Въ этой Сунодальной соборности исполнительной власти выразилась не церковная идея, а та *коллегіальная* идея, которая во времена Петра I была ошибочно признаваема наилучшею вообще во всемъ управленіи, въ томъ числѣ и государственномъ. Впослѣдствіи, и очень скоро, коллегіальная идея практически доказала свою полную несостоятельность и повсюду, во всѣхъ отрасляхъ управленія, упразднена Государствомъ.

Осталась она только въ Церковномъ Управленіи, гдѣ она, въ дѣйствительности, еще менѣе состоятельна, нежели въ управленіи гражданскомъ. Въ послѣднемъ — коллегіи имѣли, по крайней мѣрѣ, *постоянный составъ*, такъ что каждая коллегія знала свои дѣла и приводила въ исполненіе то, что̀ сама обдумала и намѣтила. Въ Св. Сунодѣ, составленномъ изъ лицъ

* Соборъ, какъ власть Церковная, долженъ состоять изо *всѣхъ Епископовъ* данной Церкви (см. правило 5 *Перваго* Вселенскаго Собора, правило 19 *Четвертаго*, 8 правило *Шестаго*, правила *Карѳагенскаго* Собора и т. д.

Л. Т.

вызванныхъ отъ епархіальнаго управленія, не было и не могло быть *постояннаго состава*. Члены Св. Сунода каждаго новаго состава не могутъ близко знать дѣлъ, возникшихъ при прежнемъ составѣ, и въ свою очередь, устанавливая какія-либо мѣры, уже не имѣютъ времени приводить ихъ въ исполненіе, а принуждены передавать это дѣло новому составу, который долженъ исполнять то, что обдумали и установили другіе. При такихъ условіяхъ совершенно неизбѣжно является *слабость управленія*, его неосвѣдомленность и невозможность быть послѣдовательнымъ и энергичнымъ. Должно еще прибавить, что, такъ какъ епископы, для присутствія въ Св. Сунодѣ, отрываются отъ своихъ епархій, то по необходимости ихъ годовая работа въ Св. Сунодѣ крайне сокращается, да и во время сессіи число засѣданій меньше, нежели въ другихъ коллегіяхъ, ибо епископы принуждены все-таки и тутъ удѣлять часть времени для надзора за своими покинутыми епархіями.

При такихъ условіяхъ—„сильное“ Правительство, о созданіи котораго думалъ Петръ I, совершенно немыслимо. А такъ какъ Церковное управленіе останавливаться не можетъ, то

дѣйствительное управленіе Церковью переходитъ въ руки *канцеляріи*. Ибо она одна постоянна, одна знаетъ и зарожденіе дѣлъ и ихъ приведеніе въ исполненіе.

Въ силу этого же неизбѣжно гипертрофируется и власть Государственной Оберъ-Прокуратуры, которая остается *постоянною*, тогда какъ составъ самого Св. Сунода быстро и постоянно смѣняется. Это вовсе не вина лицъ, а самого положенія. Я пишу настоящія строки во время Оберъ-Прокурорства такого лица, которое представляетъ совершенно исключительное сочетаніе необычныхъ государственныхъ способностей и совершенно рѣдкой преданности Церкви. Такого оберъ-прокурора Церковь еще никогда не имѣла къ своимъ услугамъ и, вѣроятно, никогда уже больше не получитъ. Но *положеніе* сильнѣе людей, даже и самыхъ исключительныхъ. Будучи наблюдательнымъ органомъ Государства за законностью теченія сунодальныхъ дѣлъ, въ томъ числѣ обязательно наблюдая и за *Канцеляріей*, Оберъ-Прокуроръ знаетъ дѣла гораздо лучше, чѣмъ самъ Св. Сунодъ, и фактически получаетъ тѣ исполнительныя функціи, которыхъ самъ Сунодъ не мо-

жетъ достодолжно отправлять. Въ результатѣ, Оберъ-Прокуратура становится Министерствомъ, а самый Св. Сѵнодъ чѣмъ-то въ родѣ консультаціи. Отсюда неизбѣжно вытекаетъ практически появленіе двухъ крайне неправильныхъ явленій:

1) Надзоръ за епархіальными епископами, принадлежащій, по канону и закону, *Сѵноду*, то-есть коллегіальному Патріарху, въ дѣйствительности переходитъ въ руки Оберъ-Прокуратуры.

2) Сношенія высшей церковной власти съ Верховною Государственною Властью точно также сосредоточиваются неизбѣжно въ рукахъ Оберъ-Прокуратуры.

А между тѣмъ, по § 43 *Основныхъ Законовъ*, „въ Управленіи Церковномъ Самодержавная Власть дѣйствуетъ *посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, Ею учрежденнаго*“. Никакихъ другихъ посредствъ между Верховною Властію и Церковнымъ Управленіемъ не указано. Смыслъ закона становится особенно ясенъ при сопоставленіи съ нимъ того, что § 46 *Осн. Зак.* говоритъ объ управленіяхъ *инославныхъ*, которыя вѣдаются „ихъ духовными властями и *особенными правительствами*, Верховною Властью къ

сему предназначенными". Итакъ для инославныхъ — назначаются „особыя правительства". Для Православной же Церкви такихъ „особыхъ правительствъ" не указано, а указано, что сама Самодержавная Власть дѣйствуетъ *посредствомъ* только Св. Сунода, то-есть, значитъ, *непосредственно*, какъ это и сообразно §§ 41 и 42, устанавливающимъ обязательную принадлежность Государя Императора къ Православной Церкви и Его значеніе, какъ защитника и охранителя вѣры и благочестія.

Но, въ силу обстоятельствъ, между Верховною Властью и Св. Сунодомъ неизбѣжно появляется тоже нѣкоторое „особое правительство", которымъ становится оберъ-прокуратура, такъ что Верховная Власть дѣйствуетъ въ церковномъ управленіи фактически не посредствомъ Св. Сунода, а посредствомъ оберъ-прокуратуры.

Итакъ, коллегіальность „равнопатріаршаго" церковнаго органа власти приводитъ къ тому, что отношенія Церкви и къ Верховной Власти, и къ епархіальной власти фактически совершаются посредствомъ органа не духовнаго, а гражданскаго.

При этомъ должно еще взять во вниманіе, что эта гражданская власть,

то-есть оберъ-прокуратура, не можетъ игнорировать самаго принципа соборности церковнаго управленія, правъ епископовъ епархіальныхъ, и непосредственнаго отношенія Верховной Власти къ Церковной, а посему находится все-таки въ стѣсненномъ и ложномъ положеніи, которое не можетъ не мѣшать энергіи дѣйствія, такъ-что оберъ-прокуроръ постоянно видитъ себя въ гораздо менѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ любой министръ.

Вся эта картина представляетъ въ цѣломъ послѣдствіе того, что *управленіе построено въ дѣйствительности не сообразно со своими собственными законными принципами*. Основная же причина, производящая это разъединеніе факта и принципа, состоитъ въ сохраненіи устарѣлаго, всюду уже отброшеннаго принципа *коллегіальности*, который проведенъ былъ у насъ въ Церковь Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, подъ прикрытіемъ идеи соборности.

VIII.

Итакъ, въ основѣ ненормальнаго построенія нашего церковнаго управленія, лежитъ не что-либо неисправимое, то-есть не упраздненіе Церковью

или Государствомъ истинныхъ каноническихъ правилъ, но вмѣшательство случайнаго принципа *коллегіальности*,* который, кромѣ своихъ обычныхъ дѣловыхъ послѣдствій, перепуталъ дѣйствія законныхъ правилъ церковнаго управленія. Стóитъ лишь изъять *коллегіальность* изъ существующей практики, отрѣшиться отъ *коллегіальности*, какъ отъ чего-то обязательнаго,—и наши существующія церковно-управительныя учрежденія быстро приняли бы свой нормальный видъ, который въ нихъ не уничтоженъ, а только какъ бы зарытъ въ неправильномъ соотношеніи частей. Но Правительство наше уже давно отказалось отъ *коллегіальности*, какъ принципа. Развившееся государственное право давно его переросло. Поэтому, казалось бы, очень легко и въ церковномъ управленіи перестать преклоняться предъ юридическими ошибками начала XVIII вѣка.

---

* Къ коллегіальности *всякой* управительной власти одинаково относятся упреки, формулированные Сперанскимъ. Она вездѣ создаетъ: 1) „нестерпимую“ *медленность* въ дѣлахъ, 2) *недостатокъ раздѣленія труда*, 3) безполезный *формализмъ*, 4) недостатокъ *отвѣтственности*. (См. проф. Алексѣевъ, *Русское Госуд. Право*, стр. 418.)

Л. Т.

Если же мы отрѣшимся отъ этихъ уже совершенно отсталыхъ и несостоятельныхъ идей XVIII вѣка, то легко приходимъ къ построенію истинно-каноническихъ нормъ управленія.

Прежде всего ясно, что *постоянный Соборъ* совершенно не нуженъ для *управленія*. Въ Церкви онъ и невозможенъ, потому что у епископовъ есть свои епархіальныя дѣла. Церковный канонъ никогда даже и не думалъ о постоянныхъ Соборахъ, а требуетъ только *временныхъ*, что разумно и съ точки зрѣнія Государственнаго права, ибо дѣло *Собора* есть только *совѣщательное* и *законоположительное*, а никакъ не *исполнительное*, для чего повсюду, во всякомъ управленіи, признаны преимущества единоличной власти.

Эта исполнительная, управительная власть въ Церкви,—по канону принадлежитъ *главному епископу*, имѣетъ ли онъ названіе митрополита, патріарха, папы,—это безразлично. * Во

* Правило 34 Свв. Апостоловъ гласитъ: „Епископамъ всякаго народа подобаетъ знать *перваго изъ нихъ* и признавать его *яко главу*“, а далѣе: „Но и первый да ничего не творитъ безъ разсужденія всѣхъ.“ Это требованіе канона выразилось въ учрежденіяхъ 1721 года въ установленіи *предсѣдателя* или первоприсутствующаго.

всѣхъ случаяхъ этотъ патріархъ не есть для епископовъ *верховная* власть, и тамъ, гдѣ становится ею, чего собственно и опасалась политика Петра I, то становится только по узурпаціи, съ православной точки зрѣнія незаконной. Только крайняя слабость Ѳеофана Прокоповича въ пониманіи Православія виновата въ томъ, что онъ смѣшивалъ православнаго патріарха съ римскимъ папой и потому настоялъ на уничтоженіи у насъ единоличной церковной власти главнаго епископа-патріарха. Въ недопущеніи патріарха къ значенію римскаго папы—Петра I одобрила бы вся Православная Церковь всѣхъ вѣковъ. Но замѣна единоличнаго патріарха коллегіальнымъ—была очевидною практическою ошибкой. Безъ единоличной управительной власти Церковь, какъ и всякое учрежденіе, не можетъ имѣть „сильнаго и важнаго“ правительства, какого желалъ для Русской Церкви Петръ I.

Коллегіальность управительной власти—неизбѣжно дѣлаетъ ее безсиль-

---

Но понятно, что положеніе этого *перваго* епископа поставлено столь же неправильно, какъ и всѣхъ другихъ частей учрежденія 1721 года.

Л. Т.

ною. Сверхъ того, непремѣнное, азбучное условіе науки объ управленіи требуетъ *постоянства* власти. А оно матеріально немыслимо въ коллегіальномъ Сунодѣ, составленномъ изъ епископовъ.

Наконецъ, если нѣтъ дѣйствительно *постояннаго* и *сильнаго* церковнаго управленія, то невозможнымъ становится и требуемое закономъ „дѣйствіе Верховной Власти“ посредствомъ именно этого учрежденія.

Какъ извѣстно, эта необходимость дѣйствія Верховной Власти Православнаго Царя въ церковномъ управленіи вполнѣ признается церковнымъ канономъ съ древнѣйшихъ временъ. Поэтому-то съ древнѣйшихъ временъ Церковь облекала правами *перваго епископа*, управляющаго *всею* Церковью, именно того, который пребываетъ въ царствующемъ градѣ, то-есть въ мѣстѣ пребыванія Государственной Верховной Власти. Это требуется именно для удобства непрерывнаго общенія Власти Церковной и Власти Государственной.

Если мы представимъ себѣ въ общей сложности всѣ перечисленныя обстоятельства и требованія, то приходимъ къ заключенію, что для преобразованія нынѣшняго, столь слабаго,

церковнаго управленія въ надлежащесильное, сообразное канону и закону, а равно нуждамъ Церкви и Государства, намъ вовсе не требуется никакихъ принципіальныхъ ломокъ учрежденія 1721 года, а нужно лишь приведеніе къ нормѣ дѣйствія отдѣльныхъ его составныхъ частей, придавъ каждой отдѣльной части *должное* значеніе и упразднивъ *недолжное*.

Говоря вкратцѣ, суть этого видоизмѣненія, полагаю, могла бы быть сведена, примѣрно, къ слѣдующему:

1) Нужно возобновленіе, время отъ времени, созыва *Помѣстныхъ Соборовъ*, дѣйствительныхъ, особыхъ отъ Св. Сѵнода, которому власти Помѣстныхъ Соборовъ даже и закономъ не приписывается, и которыхъ онъ не можетъ *замѣнять*, какъ это было желательно только Ѳеофану Прокоповичу, но не Церкви и не Верховной Власти Государства.

2) Въ самомъ Св. Сѵнодѣ требуется, для должной силы и систематичности его дѣйствій, разъединить функціи, ошибочно слитыя воедино по винѣ несостоятельной и всюду отброшенной идеи коллегіальности, а именно:

а) Первоприсутствующій членъ Сѵнода, то-есть митрополитъ резиденціи Государя Императора, получаетъ въ

свое единоличное вѣдѣніе всѣ права, принадлежащія Сѵноду по функціямъ *управительнымъ*, то-есть права патріаршія, права главнаго епископа Русской Церкви.

b) Остальной составъ Св. Сѵнода сохраняетъ всѣ свои *совѣщательныя* функціи, причемъ, для должнаго исполненія ихъ, составъ его усиливается присоединеніемъ къ вызываемымъ для присутствія епископамъ также и опытныхъ и ученыхъ отцовъ архимандритовъ и протоіереевъ.

c) Оберъ-прокуратура при этомъ естественно возвращается въ свои нормальныя функціи — государственнаго надзора за законнымъ теченіемъ дѣлъ церковнаго управленія.

d) Наконецъ, всѣ сношенія Св. Сѵнода съ Верховною Властью совершаются первосвятительствующимъ митрополитомъ или патріархомъ, если первосвятитель получилъ бы такое наименованіе, для того чтобы не умалять внѣшняго престижа Россіи въ отношеніи восточныхъ патріархій и особенно въ отношеніи Рима. Но, понятно, дѣло не въ наименованіи.

Такимъ образомъ, въ общей сложности, были бы приведены въ дѣйственное состояніе всѣ органы, потребные для живаго существованія цер-

ковнаго управленія, органы не уничтоженные у насъ нынѣ, но какъ бы зарытые въ неправильномъ смѣшеніи всѣхъ ихъ въ одно учрежденіе, черезъ такое смѣшеніе лишающееся возможности исполнять удовлетворительно хотя бы и одну изъ возложенныхъ на него функцій.

4 декабря 1902 г.

